

Сметанкина Людмила Васильевна

д-р филос. наук, профессор

ФГКВОУ ВО «Военная академия связи

им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного»

г. Санкт-Петербург

Шабанов Лев Викторович

д-р филос. наук, профессор, доцент

ФГКВОУ ВО «Санкт-Петербургский военный институт

войск национальной гвардии Российской Федерации»

г. Санкт-Петербург

НОМО ECONOMICUS И DAS CAPITAL В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ АНТАГОНИЗМОВ

***Аннотация:** авторы анализируют происходящие и ожидаемые изменения в жизни человечества и в связи с этим актуальность наследия Маркса (новая эра марксизма). Марксизм и современная культура выстроили разные картины мира. Небывалые возможности и связанные с ними потенциальные угрозы глобального характера ведут к антагонистическим конфликтам, о которых идет речь в статье.*

***Ключевые слова:** марксизм, капитализм, антикапитализм, конфликт, антагонизм, государство, управление, конкуренция, роевая социальность, информационное общество.*

В 2018 году мир праздновал 200-летие со дня рождения Карла Маркса – экономиста, социолога, писателя, поэта, политического журналиста, общественного деятеля, одного из самых цитируемых философов нового и новейшего времени, труды которого объясняют многие события, происходившие, происходящие и ожидающие человечество в будущем. На него одинаково часто ссылаются и апологеты капитализма, и проповедники коммунистической идеи. Когда в 1990-е гг. коммунизм как идеологическая цель описанная в трудах Маркса, Энгельса и Ленина, потерпел своё политическое поражение, к наследию Маркса неожиданно

обратились IT-сообщество и антиглобалисты. Началась новая эра марксизма как сетевого гибридного течения в глобальной культуре (от «движения чаепития» в США до современного ваххабизма и «2083-Декларации» А. Брейвика). Марксизм (как способ мышления и анализа) и современная культура (как вариативный механизм деконструкции традиционного общества) выстроили несколько картин мира. В них *капитализм* (системная ориентация на извлечение прибыли, составляющей основу рыночных отношений) и *антикапитализм* (неприятие четвертой промышленной революции по масштабу, объему и сложности, не имеющей аналогов во всем предыдущем опыте человечества [8]) представляются как веера полифуркаций. Тех точек множественных возможностей, одновременно несущих потенциальные опасности глобального характера (ослабление незападных культурных центров, уменьшение разнообразия человечества, бедствия окружающей человека среды и мира в целом, энтропийные процессы в природе, рост культурной и биологической однородности [2, с. 9]). Именно этот набор потенциальных аттракторов, ввиду целостности внешних и внутренних преобразований всех систем по всем странам, компаниям, отраслям и обществу в целом [8, с. 9], начинает порождать антагонистические формы конфликта.

И если взаимодействие национальных культурных трендов столкнулось с глобализацией всепоглощающего упрощения (например, цифровизация создала искусственный язык общения, лишенный важного качества – обогащения, которое лежит в основе формирования разума, учитывающего индивидуальные способности человека, искусственность не способна формировать национальные особенности культуры людей, что тоже индивидуально), ведущего к утрате *гевоса* (духовная структура) того или иного социума, то для марксизма, наоборот, настало время расцвета непохожих друг на друга и часто взаимоисключающих концептов, благодаря регионализации, сохраняющей уникальные культуры и разнообразие человечества.

Изменился взгляд на «государство», оно утрачивает традиционные функции, «пульс» контролируют силы надгосударственного уровня (структуры вроде транснациональных корпораций, Евросоюз, ЕАЭС и т. д.), самостоятельность

государств уже условна. Конкуренция между ними меняет определенный фактор разрыва, это уже не зрелый или формирующийся рынок с соответствующей стоимостью производства (высокой/ низкой), а способность экономики того или иного государства или отсутствие таковой реализовать инновации. Изменился взгляд на роль капитала, на товарно-денежные отношения, экономисты оперируют понятиями goodwill – нематериально-неотчуждаемый показатель деловой репутации в рыночных операциях, позволяющий оценить будущие выгоды от владения компанией, и криптовалюты, удобство и широта распространения которой во всем мире подрывает доверие населения к национальным валютам. Изменился взгляд на общество. В мир людей входят машины, искусственный интеллект (ИИ), клоны и киборги, меняющие парадигму общения, самовыражения, получения информации, развлечений. В информационном обществе человек, не имеющий доступа к подключенному устройству, равно как и знаний для его использования, испытывает трудности участия в общении и в экономике, он «не в теме».

Миниатюрные колонии IT-устройств вокруг человека, слушающих его, предупреждающих его потребности, помогающих, где как в автомобиле (тоже колонии приборов), каждому уготовано своё место (но и не более того – чем сложнее элемент, тем он труднее заменим). Однако виртуальные пространства и сам цифровой мир легко решают проблемы непохожести и несовместимости. Антагонизм реальности и виртуальности всего лишь переводит её в разные степени деструктивности *ill pressure* (эмоционально довлеющей несовместимости).

Мало кто осознаёт, что «цифра» приведёт индивидуализированные массы к роевому мышлению. А это, в свою очередь, создаст новый кастовый мир, разделённый роями и механизмами на зоны влияния вне зависимости от физических, биометрических и виртуальных локаций. Рой и роевая социальность – это фрактал со свойственным ему *самоподобием* (суперсистема, бесконечно повторяющая свою часть в целом и своё целое – в части), а фрактал – среда, где нет проблемы незаменимых частей.

Новый фрактальный мир отображает процессы нескольких иногда абсолютно не связанных между собой, но соседствующих друг в друге миров, т.к. в виртуальных вселенных нет (и не может быть) тех «пределов роста», о которых сообщал Римский клуб, обозначая лимиты цивилизации и «конец истории». В новом информационном обществе, предвестнике ноосферной цивилизации [2, с. 2], будут иные объекты капитализации и иные условия для коммуникации субъектов.

Конфликтологам самого ближайшего времени предстоит решать вопросы социально-трудовых конфликтов не только на линиях *«работник – работодатель»*, но и в поле отношений: *«человек – человек»*, *«человек – машина»*, *«машина – машина»*, *«робот – человек»*, *«киборг (человек-робот) – человек»*, *«киборг – киборг»*, *«киборг – машина»* [7, с. 14]. Что, вероятно, должно решить проблему заменимости и невероятно сложных механизмов, равно и любых категорий и классов мыслящих существ (*и людей, и не людей*).

Иными словами, в ожидании Шестого технологического уклада человечество не понимает, что нужно менять не только ИТ, но всю мировоззренческую повестку, смена ценностей уже набирает обороты, но происходит это «в условиях нарастания хаоса: в политике, экономике, международной жизни, в науке, искусстве, религии, воспитании, образовании...» [2, с. 3]. Необходим «новый Маркс» и новый «Капитал», на базе которого возникнет новая идея – цель и мечта человечества.

Доклад Римского клуба («Come on!»), опубликованный в конце 2017 г., убедительно показывает, что капитализм – это последняя стадия развития нынешней цивилизации, дальше должен измениться сам формат. Томас Пикетти [5] доказывает не столько необходимость «заморозки» будущего ради негативной, но стабильности, сколько бесперспективность дальнейшей реанимации либеральной модели.

Горе маргиналам – тем, кого порождали и воспитывали либеральные сообщества как свободных и самодостаточных индивидуалистов, живущих в свободном обществе равных возможностей. Теперь их называют прекариатом

(бесперспективным классом), а «в глобальном контексте большинство лишних людей в условиях разнообразных недемократических политических (*решений*) ждет... сокращение доступных возможностей, прав и гарантий» [4], вплоть до их утилизации [1].

В ближайшее время человек может оказаться вовлечённым в конфликт конкурентного выживания с искусственным интеллектом (ИИ), предназначенным создателями максимально повысить шансы на извлечение выгоды, который находится на рубеже обретения разума, что лишит человека возможности «легкого исключения» ИИ. И это не просто конфликты научного видения – это риски, абсолютно прогнозируемые идеологически, политически, культурно и нравственно осязаемые. Если раньше подобные взгляды транслировали фантасты (И. Ефремов «Час быка», С. Снегов «Люди как боги», В. Тендряков «Покушение на миражи», С. Павлов «Лунная радуга»), теперь это проблема современной публицистики и футурологии, сообщающих глобальному сообществу, что такое противостояние может полностью переформатировать весь привычный для нас окружающий мир (С. Переслегин, И. Бестужев-Лада, Р. Курцвейл, В. Миронов, Н. Джейкобштейн). Меняется картина мира, изменяется образ жизни.

Знал ли Маркс о природе такого рода антагонизмов? Мог ли Энгельс, описывая исторические формы противоречий и диалектику природы, увидеть их в столь разломленной на миры реальности? Ленин, говоря о развитии империализма, мог ли заглянуть в мир, где появятся *людиярдеры*, IT-евангелисты, *диджитал-археологи*, *майнеры* криптовалют или дизайнеры виртуальных пространств? Уже в 1952 г. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» подверг критике марксизм, указывая на несовместимость теории прибавочного продукта с экономической моделью развитого социализма [6]. И это была критика лидера страны, где марксизм если не заменял религию, то стоял в основе государственной идеологии.

Однако нынешний мир изменился настолько, что в повседневности уже мало кто замечает, как меняется время жизни (*постсовременность*), экономические уклады (*криптоанархия*), международные отношения (*проксивойна*),

мобильность людей, реализующих жизненные цели, по планете, как происходит разделение общества по возрастному принципу и поколениям гаджетов, как расширяются границы продолжительности жизни человека, его здоровья, познавательных и иных возможностей. Возможна ли классовая борьба при таких субъектах конфликта? Можно ли говорить о капитале, если деньги стремительно теряют качество предельно обобщённой информации о необходимом товаре? Насколько нынешний административно-хозяйственный аппарат государства вообще адекватен современному положению производительных сил и производственных отношений? Например, если нас ждёт повальная роботизация, то какой смысл вкладывается в реформу по увеличению пенсионного возраста? Каково будущее людей наряду с младенцами с искоренёнными генетическими заболеваниями и усиленными познавательными способностями? Устоит ли традиционная семейная ячейка наряду с семейной сетью? Не случится ли человечеству уже в этом веке вернуться к очередному прочтению мифа о богах (сверхбогатых высокотехнологичных представителях «долгоживущего» поколения) и избранных ими народах, которые сами по себе находятся уже в состоянии «темных веков» (но все еще с ракетами и автоматическим оружием)?

При этом в обществе остались не решены и старые антагонизмы. Так, противоречие конкретного труда и абстракции всеобщей занятости не разрешено, однако механизация и роботизация производства привели к сокращению рабочих мест при росте производства. Это обстоятельство оставило неразрешённым противопоставление социального соответствия непосредственной общественной занятости и частной, при этом частник в области *hand maid* упрочил свои позиции, а работник конвейера – потерял. Всевозможные коллизии, связанные с процессами персонификации вещей и овеществления человека (*потребителя*) привели к потере интеллектуальной уникальности, дав маркеры сверхпотребления сверхдорогих товаров как символов приоритетности и успешности индивида.

В старом противоречии организации производства на каждом отдельном предприятии и анархии общемирового глобального рынка – появился и набирает силу конфликт оптимального распределения создаваемого обществом

материального продукта. Этим распределением исторически занималась управленческая элита (*господствующий класс*) теперь распределять (*оптимально и справедливо*) может вычислительная машина, как «незаинтересованный» субъект управления. Что делать элитариям? Служебный класс тоже обречён на утилизацию? Получается, что – да. Именно в этом смысл материалистического понимания истории.

Кто же встанет у руля нового IT-государства? Нетократия, которая не нуждается ни в границах, ни в политике, ни в государствах – она сама по себе есть фрактальная суперсистема. Или суперкомпьютер, который переведёт все проблемы в виртуальные пространства вместе с оставшимся неконвенциональным человечеством. IT и киберкоммунизм вполне могут создать «царство свободы» с популяризированным Марксом [3] лозунгом «от каждого по способности, каждому по потребности», ведь потребностями и иллюзиями их удовлетворения будет заниматься машина.

Возможно, это и будет путь урегулирования всех современных конфликтов, где экономика и право всегда включены не только в контекст современного культурного развития, но и в контексты традиций, идеологий, права собственности. Наконец, в контекст субъективного взгляда отдельного человека, его борьбы за существование и его войны (частной, коллективной, роевой). Да, с ядерным оружием и космическими спутниками различного назначения, но войны, тем не менее – первобытной и жестокой, в которую превратилось наше противостояние не за жизнь, а за образ жизни.

Список литературы

1. Бледный конь смерти: символы грядущего Нового Мирового Порядка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://anvictory.org/blog/2011/02/16/blednyj-kon-smerti-simvoly-gryadushhego-novogo-mirovogo-poryadka/> (дата обращения: 20.12.2019).
2. Войцехович В.Э. Фракталы и аттракторы социальной эволюции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inauka.ru/blogs/article54813>

3. Маркс К. Критика Готской программы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/russrij/marx/1875/gotha.htm> (дата обращения: 14.12.2019).

4. Мартьянов В.С. Наше неэгалитарное будущее: контуры общества без среднего класса // http://lit.lib.ru/m/martxjanow_w_s/text_0330.shtml

5. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.

6. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР (Государственное издательство политической литературы, 1952 год). – М.: Концептуал, 2011. – 156 с.

7. Шабанов Л.В. Общая конфликтология. – СПб.: НИЦ АРТ, 2018. – 458 с.

8. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 137 с.